

arts

The oligarch's opera star: bodyguard

Russian baritone Dmitri Hvorostovsky performs for Putin and needs protection from his fans. He tells **Anna Picard** why

It's a short stroll from the stage door of the Royal Opera House to the car on Bow Street but Dmitri Hvorostovsky still turns heads. On a dullish winter afternoon, a few days before rehearsals begin for Verdi's *Un ballo in maschera*, the Siberian baritone with the silver mane is wearing wraparound sunglasses with mirrored lenses. In Russia, where his work has ranged from concerts for war veterans and recitals for oligarchs to Ferrero Rocher advertisements, he cannot walk down the street without bodyguards.

How long has it been like this? "With the bodyguards? Since my debut." Hvorostovsky insists that he is "a very private person", yet he has posed wearing Tom Ford couture for *Vogue Russia* and appeared in a pop

video bare-chested and brandishing a bullwhip. He has duetted with Renée Fleming in Red Square and sung to an audience of 6,000 in the Kremlin. When he turned 50 he received a birthday telegram from Vladimir Putin — a mere formality for a People's Artist of Russia, he says. Besides, they had already met.

Hvorostovsky describes himself as "opinionated, bad tempered and stubborn". Interviews make him nervous, he says (he rarely gives them), but he laughs easily and often as we talk in a nearby brasserie. Aged 52, he has lived in London since 1994. His English is fluent, give or take a few untranslatable idioms. His vocabulary is peppered with words such as "lethargic" (describing the trance-like stupor of his early audiences) and "laconic"

(Mussorgsky's original version of *Boris Godunov*, which he plans to tackle with Helikon Opera's firebrand director Dmitry Bertman).

Still, he worries that when he sees himself quoted it leaves him "biting his elbows". Perhaps tellingly the butt of most of his jokes is himself. Or rather the hypervirile version of himself that smoulders at the camera in his publicity shots, honed on a regime of "weights, stretching and balance".

Masculinity, styled in a fashion that seems somewhat camp to British eyes, is a big part of the Hvorostovsky package. When I ask him who the shirtless photographs are for, the

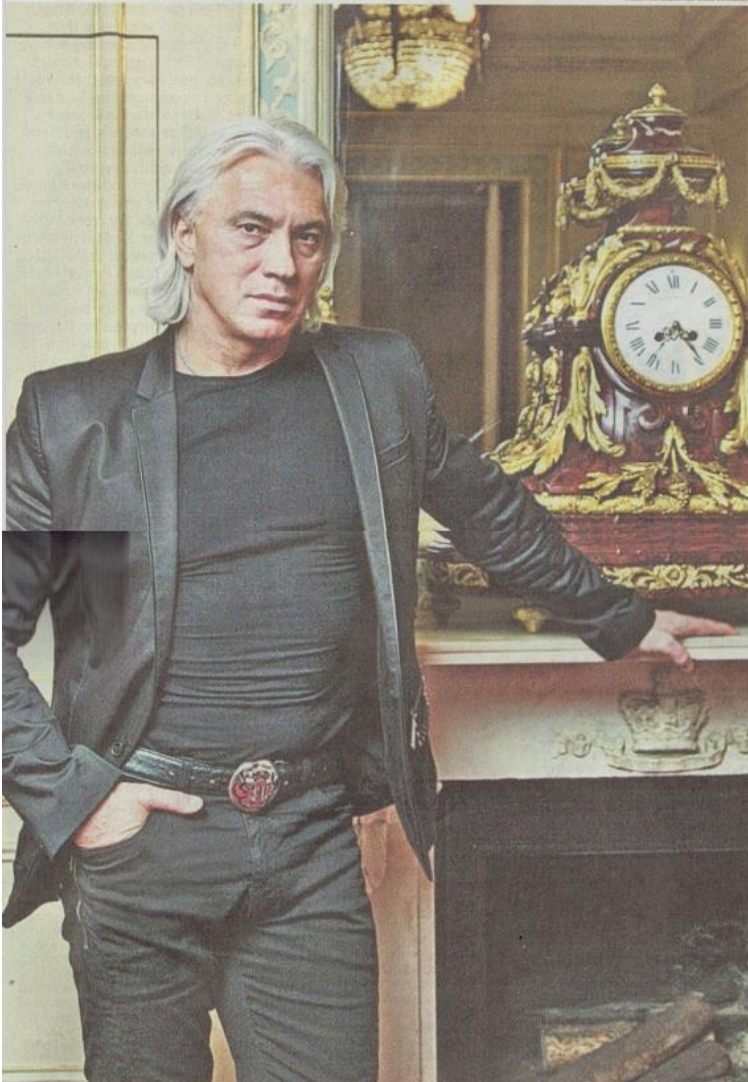

answer is deadpan: "For you, baby." Although he says he is "not even curious, I am so much straight", he has a gay following. There is also a global network of women who run a "very entertaining" unofficial website.

Propelled to fame on winning the 1989 Cardiff Singer of the World Competition (Bryn Terfel lost out that year), the "litle boy from the middle of nowhere in Siberia" became an international idol. Good looks and glasnost played a part in what happened next. At Hvorostovsky's homecoming concert the crowds were so large that "they called the police to put up barriers to protect me". By the time he made his Royal Opera debut in 1992 the Soviet Union had collapsed and he had become a leading cultural icon of a new, open Russia.

During the 1990s, while he was building his operatic career in London, Paris, Vienna, Munich, Berlin, New York and Chicago, he returned and saw

bodybuilding and Boris Godunov

TIMES PHOTOGRAPHER CHRIS REARDEN

"the poorest possible people queuing for concerts, the type of people who listened to Shostakovich's Seventh Symphony when Leningrad was under siege". Through that decade he sang there for nothing. Now he is "furiously unhappy" about tensions between Russia and the West: "All the confidence, the relationships are fading away in front of my eyes. It's a tragedy."

Hvorostovsky is "an absolute product of the Soviet system: atheist in school and college", yet his most recent recording, *The Bells of Dawn*, mines the musical heritage of the Orthodox church, an institution he describes as "severe, conservative, stubborn". He is unambiguous on the subject of gay rights: "I have worked with gay people all my life. I hugely respect them. There's a lot of gay people in the government, great artists, musicians, writers. They could unite and say, 'We oppose this,

but they don't do it. Why? Are they afraid? Think of Tchaikovsky! Diaghilev! Nureyev!"

He believes he has a duty to take classical music to the most remote cities in Russia, singing in venues with "pianos that are so bad they can barely be moved on to the stage". In 2005 he took a programme of patriotic songs from the 1940s to the "hero cities" of the Second World War. He approached Putin for support: "He promised to help me out and I'm not going to tell you what eventually happened but we managed to put a huge and expensive thing together and deliver this fantastic tour."

Why won't he go into detail? "Ah," he sighs, "it's just because it went very well but not because of the orders of Mr Putin." Instead conductor Constantine Orbelian "found the right people". Did Hvorostovsky meet the veterans himself? "Oh yes. And I do it every year." Yet when he talks about

the nouveaux riches who pay 45,000 roubles (£550) to hear him sing in Barvikha, a resort outside Moscow, he pushes his nose up with his thumb.

Barvikha corresponds to every western cliché of contemporary Russia. There is a hotel and spa, designer boutiques, gourmet restaurants, Bentley and Ferrari dealerships and a concert hall. Hvorostovsky is not the only operatic A-lister to have sung there, but he is probably the only one who remembers Barvikha before it became Barvikha Luxury Village. "I find this entire village ridiculously funny," he says. "Very expensive. Deserted. There is no access for ordinary people. The rich people are living behind bars. You can't even see them because they are [in] real castles, behind fences. They drive across the street, just a few hundred yards, in their Maseratis and they park in the garage downstairs."

Hvorostovsky may look like new Russia but his values are surprisingly traditional. This extends to his

Audiences booing directors is an abuse. I want to shoot them

vocal technique: his is a handsome, well-nurtured voice with astonishing dynamic control. The "bel canto style of Verdi" has sustained him through the shock of instant celebrity ("It was like I was a new Messiah"), crippling anxiety attacks in his late forties ("I literally had to have someone to push me on to the stage") and a schedule that, according to a High Court judgment on the 2009 maintenance appeal made by his ex-wife Svetlana, earns him £18 million a year. With teenage twins from his first marriage and two more children with his second wife, Florence Illi, a singer with whom he fell in love while performing *Don Giovanni* in 2001, he says he has "a lot of people to support".

Renato, the jealous husband-turned-

assassin in *Un ballo in maschera* is a recent addition to his repertoire. He's seen a video clip of the director Katharina Thoma discussing the new Royal Opera production but prefers "to keep myself surprised until the first meeting". Does he ever sit in those meetings and think, "Oh no?" "Yes, but I've always been able to find a compromise. I try to work it out during the rehearsal period, because when you argue, even confront, which happens sometimes, you have to make peace."

You can't change the set design, though. "No, but you can always walk away. You'll have to pay the fine. You'll be charged. You'll be sued. This has happened to a lot of colleagues of mine." Has he ever walked? "Only once but they turned me back," he laughs. When I ask him about audiences who boo directors, he mimes picking up a rifle and pulling the trigger: "It's an abuse. I want to take a gun and shoot them. Because it's teamwork. Anything that we are talking about in opera is teamwork. You stand together."

He sees no conflict between high and low art. In 2002 he likened the Italian crooner Andrea Bocelli to "chewing gum", but he sang with Bocelli last month. "I always say never again," he sighs. Does he listen to Bocelli's discs for pleasure? "Never. I'd rather put on a recording of Franco Corelli." Of the current generation of singers he admires the German tenor Jonas Kaufmann: "His style, his attack, his sense of poetry, his phrasing. Being a tenor, it goes right to wherever it hits you." He pauses and holds eye contact: "If you're a woman, it hits you differently." Oh yes? "Yes! The higher you sing the more effect you have on a female audience." What about counter-tenors? He makes the sound of a wrong-answer buzzer on a quiz show: "Eh-eh! I don't think so. I don't know who they appeal to. Probably the other part of the audience." Meaning? "Gay." Oh dear.

For all the machismo, only some of it ironic, Hvorostovsky is remarkably good company. He is a serious artist whose voice type has led him to a life playing damaged or dangerous men: Onegin, Iago, Bocca negra, Rigoletto, Renato. He's also an outrageous tease whose experience of significant relationships is "just two cases: my first marriage, then I had to abandon my wife because I fell in love with my second wife." It's a shame he doesn't do more comedy, I say. Would he consider Falstaff? Maybe wear a fat suit? "Ha ha! Why not?"

In fact his next new role is as another tortured, toxic lover, Rubinstein's Demon, to be semi-staged in Moscow by Bertman, the director he wants for his first Boris. I describe the hammy gestures and eye-rolling in the Marinsky's recent Barbican performance of Boris and he laughs. "Ha ha! Stanislavski-system! Ha ha ha!" Could he act like that? "Watch me." Really? "I don't know. I can be told. Yeah, if someone asks me, why not? It's all about challenges, but I don't think I'll need to do that."

Un ballo in maschera is at the Royal Opera House, WC2, from Dec 18. Box office: 020 7304 4000. *The Bells of Dawn* is out now on Ondine

Dmitri Hvorostovsky and, right, as Eugene Onegin opposite Amanda Roocroft at the ROH in 2006. Above left: a typically masculine PR shot

Оперная звезда для олигарха: телохранители, бодибилдинг и Борис Годунов

Российский баритон Дмитрий Хворостовский рассказал Анне Пикард, почему он выступает для Путина и нуждается в защите от своих поклонников

От дверей Королевского Оперного Театра до машины на Боу-стрит всего несколько минут ходьбы, но Дмитрий Хворостовский по-прежнему обращает на себя внимание. Пасмурным зимним днём, за несколько дней до начала репетиций "Бала-маскарада" Верди сибирский баритон с серебряной гривой надевает солнцезащитные очки с зеркальными линзами. В России, где его работа варьируется от концертов для ветеранов и сольных концертов для богатей до рекламы Ferrero Rocher, он не может пройти по улице без телохранителей.

Как давно это началось?

"С телохранителями? С момента моего дебюта." Хворостовский, утверждающий, что он "очень закрытый человек", позировал в костюме от Тома Форда для Vogue Russia и снялся в поп-клипе размахивающим кнутом с обнажённой грудью. Он выступал дуэтом с Рене Флеминг на Красной площади и пел перед шестью тысячами зрителей в Кремле. На пятидесятилетие он получил поздравительную телеграмму от Владимира Путина - простая формальность для народного артиста России, говорит он. Кроме того, они уже встречались.

Хворостовский называет себя "самоуверенным, вспыльчивым и упрямым". Говорит, что интервью заставляют его нервничать (он редко их даёт), но легко и часто смеётся, когда мы беседуем в соседнем ресторанчике. Ему 52 года, с 1994 года он живёт в Лондоне. Он свободно говорит по-английски, ну, плюс-минус несколько непередаваемых идиом. Его речь пересыпана такими словами, как "летаргический" (описывает трансовое оцепенение его первых слушателей) и "лаконичный" (оригинальная версия "Бориса Годунова" Мусоргского, которую он планирует поставить вместе с энергичным режиссёром "Геликон-оперы" Дмитрием Бертманом).

Тем не менее, он переживает, читая, как его цитируют, это заставляет его "кусать локти". Возможно, показательно, что объектом большинства его шуток является он сам. Или, скорее, гипер-мужественная версия самого себя, которая расправляет плечи перед камерой на рекламных кадрах, заточенная на режиме "веса, растяжки и баланса".

Мужественность, представленная в стиле, который покажется британцам несколько несерьёзным, является важной частью пакета Хворостовского. На вопрос, для кого предназначены фотографии без рубашки, он невозмутимо отвечает: "Для тебя, детка". Хотя он говорит, что ему "даже не интересно, я такой натурал", у него есть фанаты-геи. Существует также виртуальная сеть женщин, которые ведут "очень занимательный" неофициальный сайт.

Прославившись после победы в 1989 году на конкурсе "Кардиффский певец мира" (Брин Терфель тогда проиграл), "маленький мальчик из Сибирской глухомани" стал международным кумиром. Приятная внешность и гласность сыграли свою роль в дальнейшем. На концерте Хворостовского по случаю возвращения на родину толпа была такой большой, что "вызванная полиция поставила ограждения, чтобы защитить меня". К моменту его дебюта в Королевской Опере в 1992 году Советский Союз распался, и он стал главным культурным символом новой, открытой России.

В 1990-е годы, когда он начинал свою оперную карьеру в Лондоне, Париже, Вене, Мюнхене, Берлине, Нью-Йорке и Чикаго, вернувшись, он увидел "в очереди на концерты беднейших людей,

похожих на тех, кто слушал Седьмую симфонию Шостаковича в блокадном Ленинграде". Все эти десять лет он пел там бесплатно. Сейчас он "яростно недоволен" напряженностью между Россией и Западом: "Всё доверие, отношения улетучиваются на глазах. Это трагедия".

Хворостовский - "абсолютный продукт советской системы: атеист в школе и институте", однако его последняя запись, "Колокола рассвета" опирается на музыкальное наследие православной церкви, институт, который он описывает как "суровый, консервативный, непримиримый". Он недвусмысленно высказывается о правах геев: "Я работал с геями всю свою жизнь. Я безмерно уважаю их. Много геев среди великих художников, музыкантов, писателей, политиков. Они могли бы объединиться и сказать: "Мы выступаем против этого", но они этого не делают. Почему? Они боятся? Вспомни Чайковского! Дягилева! Нуреева!"

Он считает своим долгом нести классическую музыку в самые отдалённые города России, выступая на площадках с "пианино, которые настолько дряхлые, что их едва можно двигать по сцене".

В 2005 году он проехал с программой патриотических песен 1940-х годов по городам-героям Второй мировой войны. Он обратился к Путину за поддержкой: "Он обещал мне помочь, не буду вдаваться в детали, но нам удалось объединить много дорогих вещей и организовать этот фантастический тур".

Почему он не хочет вдаваться в подробности?

"Ах, - вздыхает он, - просто потому, что всё прошло очень хорошо, но не благодаря распоряжениям господина Путина". Вместо этого дирижёр Константин Орбелян "нашёл нужных людей". Встречался ли Хворостовский с ветеранами сам? "О да. И я делаю это каждый год". И всё же, когда он говорит о нуворишах, отдающих 45 тысяч рублей (550 фунтов стерлингов) за его пение в шикарном подмосковном концертном зале Барвиха, он задирает нос большим пальцем.

Барвиха соответствует всем западным клише о современной России. Здесь есть гостиница и спа, дизайнерские бутики, изысканные рестораны, дилерские центры Bentley и Ferrari и концертный зал. Хворостовский - не единственный известный оперный певец, который пел там, но он, вероятно, единственный, кто помнит Барвиху до того, как она стала Barvikha Luxury Village. "Я нахожу весь этот посёлок до смешного забавным", - говорит он. "Очень дорогой. Пустынный. Туда нет доступа обычным людям. Богатые живут за решеткой. Их невозможно даже увидеть, потому что они живут в настоящих замках, за заборами. Они ездят через дорогу, всего несколько сотен ярдов, на своих Мазерати и паркуются в подземном гараже".

Хворостовский может выглядеть как новый русский, но его ценности удивительно традиционны. Это касается и его вокальной техники: это красивый, хорошо поставленный голос с удивительным динамическим контролем. Вердиевский стиль бельканто помог ему пережить шок от мгновенной известности ("Я был словно новый Мессия"), приступы тревоги в сорокалетнем возрасте ("Мне буквально нужно было, чтобы кто-то выталкивал меня на сцену") и график работы, который, согласно решению Высокого суда по апелляции на алименты, поданной в 2009 году его бывшей женой Светланой, приносит ему 1,8 миллиона евро в год. Имея близнецов-подростков от первого брака и ещё двоих детей от второй жены, Флоранс Илли, певицы, в которую он влюбился во время исполнения "Дон Жуана" в 2001 году, он говорит, что ему приходится "много кого содержать".

В его репертуар недавно вошёл Ренато из "Бала-маскарада", ревнивый муж, ставший убийцей. Он видел видеоклип, где режиссер Катарина Тома обсуждает новую постановку Королевской Оперы, но предпочитает "держаться в неведении до первой встречи". Сидел ли он когда-нибудь на

этих встречах и думал: "О нет"? "Да, но мне всегда удавалось найти компромисс. Я стараюсь найти его во время репетиционного периода, потому что когда ты споришь, даже противостояшь, что иногда случается, тебе приходится мириться".

Но нельзя изменить постановку. "Нет, но всегда можно уйти. Заплатить штраф. Придётся отвечать. Могут подать в суд. Такое случалось со многими моими коллегами". Уходил ли он сам когда-нибудь из постановки? "Только один раз, но меня вернули обратно", - смеётся он. Когда я спрашиваю его о зрителях, которые осмивают режиссёров, он изображает, как берёт винтовку и нажимает на курок: "Это оскорбление. Я хочу взять пистолет и застрелить их. Потому что это командная работа. Всё, что мы делаем в опере - это командная работа. Мы все вместе".

Он не видит конфликта между высоким и низким искусством. В 2002 году он сравнил итальянского певца Андреа Бочелли с "жевательной резинкой", но в прошлом месяце он пел с Бочелли. "Я всегда говорю "никогда больше", - вздыхает он. Слушает ли он диски Бочелли для удовольствия? "Никогда. Я лучше поставлю запись Франко Корелли". Из нынешнего поколения певцов он восхищается немецким тенором Йонасом Кауфманом: "Его стиль, напор, чувство поэзии, фразировка. Будучи тенором, он попадает прямо в душу." Хворостовский делает паузу и смотрит в глаза: "На женщин это действует по-другому". Правда? "Да! Чем выше поёшь, тем больший эффект на женскую аудиторию". А что насчёт контр-теноров? Он издает звук, похожий на зуммер неправильного ответа в викторине: "Э-э-э! Я так не думаю. Я не знаю, к кому они обращаются. Наверное, к другой части аудитории". То есть? "Ген". О боже.

Несмотря на весь свой мачизм, лишь отчасти ироничный, Хворостовский - удивительно приятная компания. Он серьёзный артист, чей тип голоса предполагает играть поверженных или опасных героев: Онегин, Яго, Бокканегра, Риголетто, Ренато. Он также ужасный любитель розыгрышей, чей опыт серьёзных отношений - "всего два случая: мой первый брак, потом мне пришлось бросить жену, потому что я влюбился во вторую жену". Жаль, что он не поёт больше комедий, говорю я. Может, подумать о Фальстафе? Примерить костюм толстяка? "Ха-ха! Почему бы и нет?"

На самом деле его следующая новая роль - ещё один измученный, опасный любовник, Демон Рубинштейна, который будет поставлен в Москве Бертманом, режиссёром, которого он хочет для своего первого Бориса. Я рассказываю, как неестественно жестикуюлировал и закатывал глаза в недавнем спектакле "Борис" Мариинского театра в Барбикане, и он смеётся. "Ха-ха! Система Станиславского! Ха-ха-ха!" Мог бы он так играть? "Вот смотри" Правда? "Не знаю. Да, если мне предложат, почему бы и нет? Это было бы вызовом, но я не думаю, что мне придётся это делать".

"Бал-маскарад" в Королевском Оперном Театре с 18 декабря. Кассы : 020 7304 4000. "Bells of Dawn" выходят на Ondine.

Перевод Н. Тимофеевой